

84(2=411.2)

М 222

МАМИН-СИБИРЯК.

Н. Маминъ-Сибирякъ.

МА

На „Теплой“ горѣ.

Амт 1907

М 222

II

С 162876

С 1142000 - ко

JK

JK

JK

JK

[K.K.]

0

103
84 (д-ч. 1104)
М 222
он
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

С 16228767
На „Теплой“
горѣ.

Цѣна 90 коп.

МОСКВА. — 1918.

ОБЩ. БИБЛИОТЕКИ
г. СВЕРДЛОВСК

22.

c.1142000

На „Теплой“ горѣ.

I.

аринъ, а, баринъ? Гора-то и въ самомъ дѣлѣ выходитъ теплая...— съ усмѣшкой проговорилъ Спиря, вытирая вспотѣвшее лицо рукавомъ пестрядиной рубахи.

— А долго еще подниматься? — спросилъ я, начиная чувствовать самую предательскую усталость.

— А еще немного подыдемся, пройдемъ осинникомъ, обогнемъ Отвальный камень, тутъ тебѣ и окончаніе.

Спиря уже цѣлый часъ утѣшалъ меня этимъ окончаніемъ, а „Теплой“ горѣ, казалось, не было предѣла, — мы поднимались узкой горной тропой уже болѣе часа, что въ переводѣ на разстояніе, означало верстъ пять. Тропа шла не прямо въ гору, а вилась по обочью, гдѣ можно было бы проѣхать и верхомъ. Ноги у меня въ буквальномъ смыслѣ слова подкашивались, точно были налиты свинцомъ, въ ушахъ начинало шумѣть, глаза отъ прилива крови застилало, точно паутиной. Слѣдовало бы сдѣлать въ срединѣ горы небольшую передышку; но этому, съ одной стороны, мѣшала гордость; а съ другой — только охотники знаютъ, что необходимо идти до конца, и что остановка только усиливаетъ усталость. Оставалось продолжать подъемъ...

Мой пріятель по охотѣ, Спиря, увѣрялъ меня клят-

венно, что на „Теплой“ горѣ всякой дичи „неочерняемое множество“. Стояла вторая половина іюля, когда выводки уже подровнялись, и, по словамъ Спири, копалята были съ курицу. На Уралѣ глухарку называютъ копалухой, а глухарятъ—копалятами, какъ тетерева-березовика называютъ косачемъ. Мнѣ почему-то казалось, что и мой Спиря походилъ именно на такого косача, особенно, когда къ чему-нибудь прислушивался, вытянувъ тонкую, жилистую шею. У него и лицо было какое-то птичье: сплющенное въ вискахъ, съ длиннымъ носомъ, почти безъ подбородка, съ удивленно приподнятыми густыми бровями и какими-то особенными, точно у птицы, не мигающими глазами. Онъ и смотрѣлъ по-птичьи, беззащитно и вопросительно, съ затаенной недовѣрчивостью. Костюмъ Спири состоялъ изъ пестрядиной синей рубахи, такихъ же штановъ и рваной куртки. За плечами у него болталась берестяная пайва, т.-е. сдѣланный изъ бересты коробокъ, который называется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заплечникомъ. Тульское ружьишко представляло для меня загадку. Это была старая кремневка, стрѣлять изъ которой могъ только Спиря: кремневка то правила, то лѣвила, то низила, то вершила—однимъ словомъ, попасть изъ нея въ какую-нибудь дичь являлось своего рода подвигомъ. Между тѣмъ Спиря ухищрялся попадать, если не происходилъ „запаль“, т.-е. когда Спиря спускалъ курокъ, то получалась вспышка пороха на полкѣ замка, а затѣмъ ружье шипѣло нѣкоторое время, и только потомъ происходилъ выстрѣлъ. На видъ вихлястый и сгорбленный, съ разбитой походкой, какъ у опоенной лошади, Спиря отличался изумительной выносливостью, чѣмъ не мало огорчалъ меня. И сейчасъ онъ шагаль, шмыгая громадными сапогами, какъ ни въ чемъ не бывало, а я едва дышалъ.

— Только бы намъ выйти на Евстигнеевъ погость, а тамъ шабашъ,—бормоталъ Спиря, шагая впереди меня.—

Тамъ этой самой дичины—пропасть... Хотя ее руками бери, потому какъ она, первое дѣло, не пуганая, а второе дѣло, на ягодникѣ наѣстся, ей и летѣть-то отъ тебя лѣнь. Такъ, для прилику, помашетъ крыльями, только и всего.

Мы вышли изъ Ключевского завода въ три часа утра. До „Теплой“ горы считалось двѣнадцать верстъ, но, какъ мнѣ сейчасъ казалось, и верстъ было больше, и самыя версты длиннѣе. Однимъ словомъ, по поговоркѣ, баба мѣрила клюкой, да махнула рукой. По тому же счету подъемъ на „Теплую“ гору равнялся пяти верстамъ. Сейчасъ было уже около семи часовъ утра, и лѣтнее солнце начинало припекать. Мнѣ дѣлалось обидно, что, благодаря усталости, я не могъ въ достаточной степени наслаждаться красотою окружавшей меня природы. А было чѣмъ полюбоваться... Подошва горы была покрыта глухимъ дремучимъ ельникомъ, какой можно встрѣтить только въ глуши Уральскихъ горъ. Но, чѣмъ выше мы поднимались, лѣсъ точно раздвигался, давая намъ дорогу. Появились сосны, березы, рябины, черемухи, осины. Такой смѣшанный лѣсъ имѣетъ свою особенную прелесть, благодаря тому, что свѣжая лѣтняя листва красиво вытѣняетъ траурныя тоны вѣковой хвои. А еще лучше были горныя „елани“; еланями на Уралѣ называютъ горныя поляны. Это—татарское названіе, какъ по-татарски же лѣсъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Урала называютъ „урманомъ“. На такихъ горныхъ еланяхъ трава въ ростъ человѣка. Весной здѣсь цвѣтутъ огненными цвѣтами піоны (по-уральски Марьинъ корень), а лѣтомъ красавицы-лиліи розоваго цвѣта съ коричневыми крапинками, по мѣстному „саранки“. Удивительно красивы такъ называемыя медвѣжьи дудки, достигающія сажennaго роста. Это—зонточное растеніе, съ красивыми, бѣлыми шапками своихъ цвѣтовъ-корзинокъ. Изъ живой зеленой волны горныхъ травъ по

опушкамъ вырывались розовыя стрѣлки Иванъ-чая, распускавшія при первомъ вѣтеркѣ шелковый бѣлый пухъ своихъ сѣмянъ.

Да, все было чудно хорошо, а всего болѣе мнѣ нравился старый осинникъ, забравшійся въ гору цѣлой семьей. Изъ зеленой травы сѣровато-фіолетовыми колоннами поднимались стволы деревьевъ, а вверху трепетавшимъ покровомъ раскинулась сѣро-зеленая листва, точно въ воздухѣ бились крылышками миллионы бабочекъ-листьевъ. Въ такомъ осиновомъ лѣсу всегда стоитъ какой-то таинственный шопотъ, а воздухъ напоенъ горьковатымъ ароматомъ. Красивѣе такого осинника въ яркій солнечный день ничего не можетъ быть.

— А вотъ и Отвальный Камень,—проговорилъ Спиря, когда черезъ сѣтку деревьевъ въ сторонѣ нашей тропы показалась громадная скала сѣраго цвѣта. — Въ немъ есть пещера, гдѣ прежде жили разбойники.

— А теперь?

— А сейчасъ разбойниковъ нѣтъ. Въ жары, сказываютъ, медвѣди любятъ въ нее залѣзать, потому какъ прохладно...

Отвальный камень стоялъ, какъ сторожъ, караулившій самую вершину горы, которая скоро и показалась изъ-за рѣдкаго и низкаго лѣска, который растетъ на горныхъ верхахъ и прикрутостяхъ.

— Эвонъ и шиханъ,—показалъ Спиря влѣво, гдѣ обрисовалась группа островерхихъ и угловатыхъ скалъ. — А направо, вонъ, гдѣ кедрикъ, тутъ тебѣ и покосъ Евстигнея.

Шиханомъ на Уралѣ называется самый верхъ горы, если онъ состоитъ изъ скалъ.

Странно, что, когда подъемъ кончился, я не почувствовалъ особенной усталости. На этой высотѣ и „воздухъ былъ легкій“, какъ объяснялъ Спиря, и подкрѣпляло сознаніе, что главная трудность миновала

Въ средней и южной Россіи не имѣютъ даже приближительнаго понятія о тѣхъ ягодныхъ богатствахъ, какими изобилуетъ русскій сѣверъ. Получается прямо сказочная картина, когда на свѣжихъ порубяхъ живымъ, яркимъ ковромъ раскидываются земляничные ягодники и малинники, а на вершинахъ горъ—ягодники черники и брусники. Именно, по такому ягоднику мы и шагали съ Спирей къ кедрику, за которымъ спрятался въ лиственной заросли покосный балаганъ Евстигнея.

— И ягоды нынче уродилось, страсть! — говорилъ Спиря, напрасно стараясь шагать такъ, чтобы не давить ягоду. — Коверъ ковромъ... Наши бабы руками-то ягоду не берутъ, а совкомъ черпаютъ. Такъ, въ родѣ гребенки сдѣланъ, она имъ махнетъ по кусту и прямо ягоду сыплетъ въ кузовъ, а дома ужъ разберутъ по ягодкѣ. Доски наложутъ катушкой, а по нимъ ягоду и сыплутъ. Ну соръ разный да листья и останутся на доскахъ, а настоящая ягода скатится внизъ. Другая баба въ день-то очень просто ведра три черники наберетъ. А брусники и побольше того, потому какъ она твердая и легко забирается совкомъ. Ну, сейчасъ-то только черника поспѣла, а бруснику надо еще обождать. Каждая ягода вотъ какъ свое время знаетъ. Теперь взять опять и мѣсто: лѣсная малина крупная, а вкусу въ ней настоящаго нѣтъ, какъ въ горной, которая по розсыпямъ растетъ.

Намъ пришлось оставить шиханъ въ сторонѣ и спуститься направо, къ кедрику. Сейчасъ за ягодниками, занимавшими солнечные угрѣвы и припеки, начиналась полоса чудныхъ горныхъ покосовъ, гдѣ густая, сочная трава по-поясъ. Въ одномъ мѣстѣ виднѣлись издали мѣрно двигавшіеся шеренгой косари, оставлявшіе за собой ровныя грядки скошенной травы, отливавшей на солнцѣ шелковымъ блескомъ. Это и былъ покосъ Евстигнея.

— Вонъ и самъ старикъ въ головѣ идетъ,—объяснялъ Спира, показывая на передняго косаря.—Ловко поворачиваетъ...

Между прочимъ, почему-то считается, что идти въ „головѣ“, т.е. первымъ, труднѣе, чѣмъ послѣднимъ за нимъ. Это примѣняется даже въ простой ходьбѣ; а особенно въ обозной ѣздѣ, когда впередъ пускаютъ самую сильную лошадь.

Евстигней, лысый, бородастый и сутулый мужикъ, лѣтъ за пятьдесятъ, не обратилъ на наше появленіе ни малѣйшаго вниманія и продолжалъ свою работу, мѣрно, съ красивой натугой, размахивая косой.

— Богъ на помочь!—здоровался Спира, любуясь дружной работой.

Работала одна семья. Евстигней вывелъ на покосъ трехъ сыновей и двухъ снхоъ. Женщины не отставали въ работѣ отъ своихъ мужей, хотя косы у нихъ и были поменьше. Надъ бабьей работой хотя и подшучиваютъ, но уральскія бабы, особенно съ горныхъ заводовъ, почти не уступаютъ въ ловкости и выносливости мужикамъ, какъ было и въ данномъ случаѣ.

— Э-э, да и главнокомандующій здѣсь!—обрадовался Спира, поворачиваясь къ концу шеренги.—Здравствуй, Якуня...

По первому впечатлѣнію я принялъ Якуню за бабу, потому что онъ былъ въ длинной синей рубахѣ ниже колѣнъ, а голову повязалъ по-бабьи платкомъ. Сходство усиливалось еще тѣмъ, что у Якуни не было ни бороды, ни усовъ. Онъ при каждомъ взмахѣ косы покряхтывалъ, но не отставалъ отъ другихъ. На привѣтствіе Спири онъ тоже ничего не отвѣчалъ, какъ и Евстигней, не желая насъ замѣчать. Такое отношеніе, повидимому, сконфузило Спирию, и онъ, молча повернувшись, зашагалъ къ кедрику, подъ которымъ былъ устроенъ покосный балаганъ. Я покорно послѣдовалъ за нимъ.

— Ну ихъ...—ворчалъ Спиря, досадливо подергивая плечомъ.—Точно у всѣхъ языки присохли...

Балаганъ Евстигнея походилъ на всѣ другіе покосные балаганы. Это была врытая въ землю низкая изба, которую издали даже трудно было замѣтить. Вмѣсто крыши потолокъ былъ засыпанъ землею и обложенъ дерномъ. Окно замѣняла входная дверь, вмѣсто печки былъ устроенъ изъ камня-дикаря небольшой очагъ, а вмѣсто трубы въ потолокъ была продѣлана дыра, куда и выходилъ дымъ. Больше половины балагана было занято деревянными полатями, гдѣ всѣ и спали въ повалку.

— Ну, вотъ мы и дома,—объяснялъ Спиря, отмахиваясь ружьемъ отъ бросившейся на насъ собаки, добросовѣстно сторожившей балаганъ.—Цыцъ, проклятая!.. Вотъ я тебя... изничтожу.

Въ балаганѣ и около него разложенъ былъ разный хозяйственный скарбъ, какой было можно привезти на лошади верхомъ. Надъ потухшимъ костромъ висѣлъ почернѣвшій отъ дыма желѣзный котелокъ. Гдѣ-то слышались методичные звуки мѣднаго ботала-колокола, какой привязываютъ на шею пущенной на пастбище лошади. Черезъ десять минутъ костеръ уже весело горѣлъ, пуская клубы темнаго, кудряваго дыма прямо въ густо-зеленую, изумрудную хвою гиганта кедра. Кедръ—красавецъ среди всѣхъ остальныхъ лѣсныхъ уральскихъ хвойныхъ породъ. Онъ достигаетъ громадной высоты и отличается отъ сосны своей мягкой, длинной хвоей и темной корой на стволѣ. Въ среднемъ Уралѣ кедръ встрѣчается отдѣльными экземплярами, а настоящая ихъ родина—сѣверный Уралъ, гдѣ они встрѣчаются сплошными насажденіями. Мѣстечко, занятое балаганомъ Евстигнея, такъ и просилось живьемъ на картину,—ни прибавлять, ни убавлять ничего было не нужно.

Сила на короткокахъ передъ огонькомъ, Спиря встря-

хиваль головой и издавалъ неопредѣленные звуки, напоминавшіе ворчаніе. Я понималъ причину его мрачнаго настроенія и замѣтилъ:

— Вотъ бы теперь, Спира, хорошо было сварить хлебку изъ твоихъ копалятъ, которыхъ ты обѣщалъ...

Спира вскочилъ и началъ отплевываться. Я невольно обидѣлъ его до глубины его охотничьей души.

— Мои копалята?—съ азартомъ заговорилъ онъ.—Да сколько угодно, хотъ руками ихъ бери... Подъ Отвальнымъ камнемъ каждый разъ штуки по три залобую (убью), подъ осинникомъ—тоже да на ягодникахъ...

— Отчего же сегодня мы ни одной птицы не видали?

— Сегодня? Эхъ, баринъ, баринъ... А когда мы выходили съ Ключевского, намъ дорогу старушонка перешла, вотъ и вся штука. Она намъ глаза отвела... Очень просто! А птицы на „Теплой“ горѣ сколько угодно, хотъ руками бери... Ужъ я бы эту старушонку живьемъ бы, кажется, растерзалъ. Вѣдь видить, что на охоту идемъ, ну, и обожди,—такъ нѣтъ, прямо черезъ дорогу перешла. Тутъ медвѣдя на самый носъ посади, и того не увидишь. Ужъ я это, баринъ, вотъ какъ знаю... Кабы не ты, такъ непременно бы возвратился домой, потому какъ все равно никакого толку не будетъ. Очень даже хорошо все можемъ понимать...

Мнѣ, конечно, было смѣшно слушать это оправданіе Спири, желавшаго свалить нашу неудачную утреннюю охоту на какую-то неизвѣстную старушку, тѣмъ болѣе, что я даже не помнилъ, чтобы какая-нибудь женщина переходила намъ дорогу. Это окончательно взбѣсило Спиру, и онъ, ударивъ себя кулакомъ въ грудь, набросился уже на меня:

— А ты, баринъ, ничего не понимаешь, а еще смѣешься... да! Видѣлъ Якуню-то?

— Видѣлъ, что же изъ этого?

— А вотъ это самое... Якуня-то почище старушонки будетъ, потому какъ есть настоящій колдунъ. Онъ и кровь заговариваетъ, и глаза отводитъ, и что хочетъ, то и сдѣлаетъ съ человѣкомъ. Однимъ словомъ, колдунъ... Ему больше ста лѣтъ, а онъ изъ бани выскочить зимой, да и давай кататься по снѣгу. Онъ всякія такія слова знаетъ...

— Какія слова?

— А вотъ такія, особенныя. Можетъ присушить одного человѣка къ другому, можетъ тоску такую напустить что мѣста себѣ не найдешь.

Спиря даже оглянулся и понизилъ голосъ, точно боялся, что колдунъ Якуня можетъ насъ услышать.

III.

Было часовъ одиннадцать. Въмѣсто похлебки изъ копалять пришлось довольствоваться однимъ печенымъ въ золѣ картофелемъ и чаемъ.

— А у меня, какъ на грѣхъ, вотъ какъ зубъ на ѣду разыгрался,—жаловался Спиря и на этомъ основаніи еще разъ обругалъ старуху, которая перешла дорогу.

У Спири былъ маленькій расчетъ на то, что Евстигней съ семьей будетъ въ одиннадцать часовъ обѣдать, и ему перепадетъ чего-нибудь горяченькаго, но и эта сладкая надежда не сбылась.—Евстигней на скорую руку въ сухомятку пообѣдалъ на мѣстѣ работы, и тутъ же всѣ легли отдохнуть.

— Этакой жадный на работу мужикъ!—сердился Спиря, почесывая въ затылкѣ.—Всю семью заморить на работѣ безъ варева...

Съ каждой минутой дѣлалось жарче. Раскаленный зноимъ воздухъ струился. Все какъ-то стихло по-мертвому. Даже не слышно было лошадиныхъ боталъ, а Евстигнеева собака, напрасно ожидавшаяся отъ насъ какой-нибудь

подачки, завалилась спать въ тѣни балагана, высунувъ языкъ. Намъ оставалось только послѣдовать ея примѣру.

— Ужо, вотъ жаръ свалить, тогда мы... — бормоталъ Спиря, укладываясь на нарахъ въ балаганѣ.—Ужъ эта мнѣ старушонка: кажется, взялъ бы да и перекусилъ ее пополамъ.

Въ прохладномъ балаганѣ спать было отлично, и мнѣ казалось, что Евстигней изъ-за насъ остался на покосѣ. Съ этой мыслью я и заснулъ, а когда проснулся, было уже часа два,—самый разгаръ лѣтней жары. Даже въ балаганѣ дѣлалось душно. Я вышелъ, сходилъ умыться въ студеномъ ключикѣ, сочившемся изъ-подъ корней столѣтняго кедра и, захвативъ, на всякій случай, свою двустволку, отправился къ шихану, чтобы полюбоваться картиной горъ при полномъ солнечномъ освѣщеніи. Я нарочно обошелъ стороной работавшую на покосѣ семью Евстигнея и замѣтилъ Якуню, который работалъ попрежнему вмѣстѣ съ бабами. Можно было только подивиться изумительной выносливости этого столѣтняго колдуна...

До вершины „Теплой“ горы казалось, какъ говорится, рукой подать, но это былъ оптический обманъ, благодаря изумительной чистотѣ горнаго воздуха. Пришлось идти довольно долго по ягодникамъ, какъ показались первыя розсыпи... Розсыпью на Уралѣ называютъ гряды камней, которыя спускаются отъ шихановъ, какъ результатъ ихъ разрушенія. Издали такая розсыпь походить на мостовую, а вблизи отдѣльные камни такой мостовой принимаютъ солидные размѣры, такъ что приходится пере скакивать съ одного на другой, какъ акробату. Удобно только то, что эти камни покрыты разноцвѣтными лишайниками, и нога не скользитъ. По бокамъ такія розсыпи окаймлены живымъ кружевомъ изъ кустовъ малины, жимолости, шиповника, горнаго шалфея и Иванъ-чая. Изрѣдка между камнями выбиваются зеленые прорѣзныя

стрѣлки горной низкорослой ели, еще рѣже можно встрѣтить небольшой кедрикъ. Большому дереву трудно укрѣпиться между камнями, а еще труднѣе найти пищу и необходимую влагу. Малина, которая встрѣчается на розсыпяхъ, считается самой лучшей. Она меньше лѣсной и отличается отъ нея своимъ блѣдно-розовымъ цвѣтомъ. Вкусъ имѣетъ необыкновенно нѣжный и ароматный. Я полакомился висѣвшими гроздьями этой горной малины, — она, именно, висѣла цѣлыми кистями, и съ одного куста можно было въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собрать чуть не ведро. Кстати, медвѣдь, какъ извѣстно, большой лакомка, и его частенько встрѣчаютъ ягодницы именно на розсыпяхъ, гдѣ онъ сосетъ малину. Видимо, и онъ предпочитаетъ горную малину лѣсной.

Шиханъ на „Теплой“ горѣ не отличается особенной красотой, подъемъ на него былъ не изъ трудныхъ, и я скоро уже сидѣлъ на вершинѣ сѣрой, облѣпленной бѣлымъ мохомъ и узорчатыми лишайниками, скалы, съ которой открывался чудный видъ верстъ на двадцать кругомъ. Мнѣ приходилось десятки разъ подниматься на такіе шиханы, и каждый разъ мной овладѣвало какое-то особенное настроеніе, какое переживаешь только на такой высотѣ. Горы уходили изъ глазъ зелеными валами, какъ гигантское море. Кое-гдѣ на этомъ необъятномъ просторѣ выдѣлялись, точно заплаты, заводскіе дроворубные курени — старый Талый, новый Матюгинъ; по теченію невидимыхъ горныхъ рѣчекъ желтыми пятнами проржавѣли золотые и платиновые прииски. Нашъ Ключевскій заводъ едва брежжилъ, и его можно было найти только по свѣтлому окну заводскаго пруда. А тамъ дальше, къ сѣверу, горы-валы поднимались все круче и пропадали окончательно въ глубинѣ горизонта, повитые синеватой мглой.

Несмотря на палящій лѣтній зной, на верху горы было не жарко, что и зависѣло отъ разрѣженнаго горна-

го воздуха, и отъ какой-то особенной его тяги, — не вѣтеръ, а что-то вродѣ сквозняка. Я просидѣлъ довольно долго и неохотно спустился къ розсыпи. Надо было идти къ балагану, гдѣ ждалъ Спиря. Пробираясь по заросшему боку розсыпи, я неожиданно спугнулъ глухарный выводокъ. Копалята, дѣйствительно, были съ курицу и тяжело вырывались изъ густой травы. Я наудачу выстрѣлилъ, но безъ результата. Въ отвѣтъ на мой выстрѣлъ сзади меня раздался отчаянный женскій крикъ:

— Ой, батюшки, убили!!! Ой, ой!..

Я совершенно опѣшилъ, потому что стрѣлялъ въ противоположную сторону. Когда я подошелъ на крикъ, моимъ глазамъ представилась такая картина: между камнями розсыпи, схватившись за голову, сидѣла какая-то молодая женщина. На мой окликъ она, было, поднялась и сдѣлала попытку бѣжать, бросивъ берестяной кузовокъ съ малиной. Мнѣ съ трудомъ удалось ее успокоить.

— Что ты, матушка? я и стрѣлялъ-то совсѣмъ въ другую сторону...

Она продолжала смотрѣть на меня испуганными глазами, очевидно, плохо понимая мои объясненія. Это была худенькая женщина съ блѣднымъ больнымъ лицомъ. Одѣта она была по-заводски въ сборчатый сарафанъ.

— Вотъ какъ ужаснулась я... — заговорила она, на конецъ, съ трудомъ переводя дыханіе. — Какъ ты пальнулъ, у меня чуть душенька не выскочила.

На всякій случай она осмотрѣла себя, очевидно, отыскивая слѣды раны. Я сунулъ ей какую-то мелочь за испугъ и просыпанную малину и отправился къ балагану. Въ общемъ, получилась одна изъ неизбѣжныхъ охотничьихъ сенокъ. Когда я рассказывалъ поджидавшему меня у балагана Спирѣ о случившемся, онъ только покрутилъ головой и проговорилъ тономъ, не допускающимъ возраженія:

— Якунькина работа, баринъ...

— Это какимъ образомъ? — удивился я. — При чемъ тутъ Якуня?

— А вотъ такимъ... Ужъ онъ устроить! Ты вотъ думаешь, что баба закричала послѣ того, какъ ты пальнулъ; а она крикнула раньше, подъ руку тебѣ... Да и откуда бабѣ подъ шиханомъ взяться? Якуня же ее и подвелъ... Вѣрно тебѣ говорю.

— Мало ли ягодницъ ходитъ теперь въ горахъ?

— Ягодницы по одной не ходятъ, а непременно артелькой, потому какъ, неровень часъ, и бродяга подвернется, и медвѣдь. Молодая, говоришь? Вотъ-вотъ, онъ ее и подсунулъ... Ахъ, прокурать! То-то даве я здороваюсь съ нимъ, а онъ не глядитъ на меня...

Все это выходило очень смѣшно, но я даже не пытался разувѣрить суетѣрнаго Спирю, потому что его, вообще, трудно было въ чемъ-нибудь убѣдить.

IV.

Когда свалилъ жаръ, мы отправились на охоту. Спиря все время встряхивалъ головой и какъ-то пугливо оглядывался назадъ, точно колдунъ Якуня шелъ за нами по пятамъ. Мы долго ходили полѣснымъ опушкамъ безъ всякихъ результатовъ. Раза два гдѣ-то въ сторонѣ слышался шумъ поднимавшихся выводковъ, — и только.

— Ишь, ты... а? — удивлялся Спиря, подмигивая мнѣ. — Якунькина работа...

Мы переходили съ одного покоса на другой, и я только любовался кипучей работой. Страдовали здѣсь исключительно заводскіе рабочіе, получавшіе специально для этого отпускъ отъ Петрова дня до Успенья. Работа и не походила на работу, а на какой-то праздникъ. Народъ былъ все здоровый и радъ былъ отдохнуть послѣ фаб-

Иль. 11/189.

рики на свѣжемъ воздухѣ. О сравненіи съ крестьянской страдой не могло быть и рѣчи. Съ нѣкоторыхъ покосовъ доносились пѣсни, — тамъ косцы кончали и сушили сѣно. Насъ вездѣ встрѣчали или молчаливымъ презрѣніемъ, или шуточками, какъ шелопаевъ, которые шатаются по горамъ, неизвѣстно зачѣмъ, когда добрые люди работаютъ отъ зари до зари. Мнѣ начинало дѣлаться совѣстно, а Спира сердился все больше и больше и даже вступалъ въ перебранку. И дичи не было, да еще смѣются въ глаза, — хоть кого зло возьметъ.

— Это все Якунина работа, — подшучивалъ я надъ нахмурившимся Спирей.

— Тфу! — отплевывался Спира. — Навяжется же человѣкъ... И чѣмъ, думаешь, мы ему помѣшали? Злющій старичонка...

Солнце быстро клонилось къ западу. Изъ лѣсу потянуло сыростью. Кое-гдѣ надъ покосами ужъ крутились столбы дыма. Рабочіе шабашили и садились къ ужину. А у насъ ни одной птицы... Мы такъ и повернули обратно съ пустыми руками. Спира шелъ въ молчаливомъ отчаяніи, тяжело шмыгая ногами. Мы были уже недалеко отъ балагана Евстигнея, какъ изъ-подъ куста тяжело выпорхнулъ тетеревиный выводокъ... Одинъ изъ копялъ тяжело перевернулся въ воздухъ и шлепнулся въ траву.

— Это я ловко его черкнулъ, — хвалился Спира.

— Нѣтъ, это я...

Спира показалъ мнѣ дымившееся ружье.

Да вѣдь ты никогда не стрѣляешь въ летъ, Спира?

— Не стрѣляю, а тутъ на зло Якунькѣ пальнулъ... Онъ мнѣ сидячую птицу заговорилъ, ну, я и сдѣлалъ ему наоборотъ. На тебѣ старый хрѣнъ, коли на это пошло...

Мы, какъ оказалось, выстрѣлили разомъ, и вопросъ

о томъ, кто убилъ, такъ и остался открытымъ. Спира торжествовалъ. Онъ съ намѣреніемъ тащилъ за крыло убитую птицу, чтобы она казалась больше.

— Фунта съ два будетъ,—думалъ онъ вслухъ.—Вотъ какое варево заваримъ... Будемъ ѣсть, а Якунька гляди, да облизывайся... Х-ха!..

Солнце уже скрылось за лѣсомъ, когда мы подошли къ балагану. Вся семья была въ сборѣ. Огонь ярко горѣлъ, пуская, благодаря тихой погодѣ, прямо кверху густую струю дыма. Евстигней съ сыновьями, сидя на землѣ, доканчивали котелокъ съ какой-то похлебкой. Бабы варили себѣ кушанье въ другомъ котелкѣ. Я удивился, откуда взялись ребята, которыхъ на покосѣ я днемъ не замѣтилъ.

— Хитрая эти бабы,—отвѣтилъ на мою тайную мысль Спира.—Онѣ днемъ-то прячутъ ребятъ по травѣ да подъ кустами, какъ копалухи, чтобы не мѣшали работать. А гдѣ же Якуня?

Старика не оказалось, что очень огорчило Спиру. Ему особенно хотѣлось похвастаться своей добычей, именно, передъ нимъ. Евстигней отнесся къ намъ довольно насмѣшливо, проговоривъ:

— Не даромъ говорится: рыбки да рябки — потеряй деньги.

— Ну, ужъ это не твоя забота, — огрызнулся Спира.

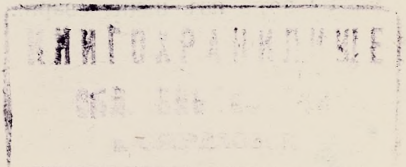
— Не велика корысть одну птаху застрѣлить... Однихъ сапогъ сколько за день-то износили.

— Ничего ты не понимаешь, Евстигней, — сказалъ Спира, огорченный этими замѣчаніями.—У тебя своя повадка, у господъ—своя.

Гораздо внимательнѣе мужиковъ оказались бабы. Онѣ окружили Спиру веселой гурьбой и заговорили всѣ разомъ.

— Спира, да вѣдь это курица... Вотъ, сейчасъ помереть, курица!..

С. 1142000

— Въ самый разъ курица, только лѣсная, — согласился Спиря. — Можете вы понимать это самое дѣло... Ну, не греплите птицу. Чему обрадовались-то?

Онъ едва отнялъ птицу у весело галдѣвшихъ бабъ. А тутъ еще незамѣтно подошла собака и чуть-чуть не лизнула сочившуюся по перьямъ свѣтлую кровь. Сразу бы испоганила дичину, хотъ бросай ее!..

— А гдѣ Якуня? — спросилъ Спиря, отгоняя собаку ногой.

— А по малину (за малиной) пошелъ... Онъ ее варить и пьетъ замѣсто чая.

— Не умаялся, видно, за день-то.

— Умаешь его, какъ же... Онъ какъ каменный весь.

Отгнавъ еще разъ приставшую собаку, Спиря ушелъ подальше и, присѣвъ на корточки, принялся готовить добычу. Евстигней оказался теперь разговорчивѣе, чѣмъ днемъ. Мы сидѣли около огонька и „балагурили“ о разныхъ разностяхъ,

— А это Якуня твой родственникъ? — спросилъ я.

— Какой тамъ родственникъ... Такъ, седьмая вода на киселѣ. Онъ вѣдь сегодня у насъ работаетъ, а завтра поминай, какъ звали. Съ покоса на покось переходить гдѣ ему поглянется. Горохъ сухой любить: возьметъ горошину въ ротъ, сосетъ ее цѣлый день, — тѣмъ и сытъ.

Спиря занялъ освободившійся у мужиковъ котелокъ и принялся за стряпню, т.-е. вскипятилъ воду и опустилъ въ нее ошипанную птицу. Бабы дали ему луковку, крупы и нѣсколько картошекъ. Охотничья похлебка получилась на славу. Говоря откровенно, меня начиналъ мучить охотничій, волчій аппетитъ. Спиря сидѣлъ передъ костромъ на корточкахъ и усердно подбрасывалъ въ огонь смолье, т.-е. смоляныя щепы отъ стараго пня. Евстигней съ улыбкой наблюдалъ за его работой и приговаривалъ:

— Изъ птицы немудрено похлебку сварить, Спиря, а ты вотъ изъ щепы сvari...

— Это ужъ тебѣ Якуня сварить... Онъ мастеръ глаза отводить. Какъ разъ и шепу съѣшь у него...

Спиря не видѣлъ, какъ босой Якуня неслышными шагами подошелъ къ огню и сѣлъ противъ него. Кругомъ было темно, и онъ только сейчасъ замѣтилъ колдуна, когда Евстигней захохоталъ.

— Ахъ, ты... Ну и человѣчина заведется! — заворчалъ Спиря, поднимаясь. — Да ты откуда взялся-то, Якуня?

— Гдѣ былъ, тамъ ничего не осталось, — какимъ-то дѣтскимъ голосомъ отвѣтилъ Якуня и какъ-то по-дѣтски хихикнулъ, закрывая беззубый ротъ рукой.

— Ты ему поворожи, Якуня, — шутилъ Евстигней, — чтобы онъ котелокъ съ похлебкой въ огонь выворотилъ...

— Ну, ну, ты ужъ тово... — умолялъ Спиря, защищая котелокъ рукой. — Отъ васъ все станется...

Около балагана бабы окружили давешнюю бабу, которую я напугалъ выстрѣломъ. Очевидно, она пришла вмѣстѣ съ Якуней.

— Да ты бы, Марья, чего-нибудь горяченькаго закусила! — уговаривали ее бабы. — Вонъ картошка осталась... кашу можно подогрѣть.

— Ничего мнѣ не надо, — отказывалась Марья. — Не манить на ѣду нисколючко.

— Да ты на себя-то погляди: краше въ гробъ кладутъ.

Марья съ больной улыбкой только безнадежно развела руками. Евстигней прикрикнулъ на бабъ, чтобы шли спать. Завтра вставать чуть свѣтъ, а велика ли короткая лѣтняя ночь! Въ балаганѣ расположились однѣ бабы съ ребятами, а всѣ мужики, въ томъ числѣ и я со Спирей, остались подъ открытымъ небомъ. Послѣднее не доставляло особеннаго удовольствія, потому что въ самое лѣтнее жаркое время горныя ночи отличаются холодомъ. Впрочемъ, Евстигней принесъ мнѣ изъ балагана свой татарскій армякъ.

— Ежели дождь пойдетъ, такъ все-таки не каждая капля мимо будетъ падать,—пошутить онъ.

Мы предложили ему нашей похлебки, но Евстигней великодушно отказался, и мы съ жадностью съѣли ее вдвоемъ.

V.

Спиря устроилъ мнѣ постель изъ Иванъ-чая, положилъ вмѣсто подушки конское сѣдло и проговорилъ:

— Ну, теперь въ томъ родѣ, какъ купецъ на перинѣ... Я вотъ еще огоньку прибавлю, баринъ.

Я легъ и сейчасъ же заснулъ, какъ убитый.

На разсвѣтѣ, когда небо заволоклось предразсвѣтной отбѣлью, я проснулся отъ холода и тихаго разговора около огня. Нашъ костеръ чуть дымился. Около него на обрубкѣ дерева сидѣлъ Якуня въ своей длинной женской рубахѣ, а передъ нимъ стояла, подперевъ рукой щеку, Марья.

— Такъ, говоришь, помирать? — спрашивала она спокойно.

— А ты боишься помирать?

— Нѣтъ, а все-таки...

Въ ея голосѣ слышалась дрогнувшая нотка.

— Ахъ, ты глупая, глупая... — покачивая своей лысой головой, походившей на страусовое яйцо, ласково заговорилъ Якуня. — А спать не боялась? Жить надо бояться, потому кругомъ тебя грѣхи-то, какъ лѣсъ дремучій... Во снѣ, въ другой разъ, и то согрѣшишь: такое приснится неподобное!..

Пауза. Якуня подбросилъ въ потухавшій костеръ нѣсколько смолевыхъ щепъ и на время исчезъ въ ѣдкомъ дымѣ.

— Такъ, говоришь, непременно помирать?—повторила Марья свой вопросъ.

— Непременно.

— А скоро?

— Не знаю, Марья... Можетъ, до заморозковъ и дотянешь. Главная причина, что у тебя — сердце, какъ гнилушка. Не дѣйствуетъ...

— Моченьки моей не стало... Ничего не могу дѣлать. Другіе работаютъ, а я за что ни взялась — и задохлась... Сердце-то такъ и затрепыхаетъ, трчно птица... Это я, надо полагать, подъ Рождество застудилась. Бѣлье полоскала у проруби, ноги промочила... Съ тѣхъ поръ и маюсь.

Марья присѣла къ огоньку, закрыла лицо руками и тихо заплакала.

— Ахъ, глупая... — ворчалъ Якуня. — О чемъ ревешь? Всѣ помремъ... И чего бояться: каждый день умираемъ. Какъ легъ, такъ и померъ... Вѣдь не боишься заснуть? И тутъ сонъ. Ничего не надо, когда человѣкъ спитъ... Ну, помрешь, похоронятъ, и попъ, который будетъ хоронить, — тоже помретъ. Ну, о чемъ воешь, глупая?

— Да я не о себѣ... Дѣвчонка махонькая у меня остается. Куда она дѣнется безъ матери?

— А Богъ-то?

Марья вытерла слезы и проговорила уже другимъ тономъ:

— Голубчикъ, Якуня, я, вѣдь, нарочно въ горы пошла, чтобы съ тобой посоветоваться... Можетъ, и есть какое средство... Полѣчи чѣмъ-нибудь, ради Христа.

— Какъ средствію не быть...

Старикъ взялъ горсть золы, поднесъ ее къ самому лицу Марьи и проговорилъ:

— Вотъ тебѣ и средствіе, Марья...

— Зола?

— Она самая... Только не простая зола, а ты возьми осиновую кору, сожги ее да съ водкой и принимай.

— Полегчаетъ, думаешь?

— Можетъ, и полегчаетъ... Какъ Богъ велить. Ты съ молитвой золку-то пей...

Этотъ простой докторскій совѣтъ, видимо, совершенно успокоилъ Марью. Разговоръ прекратился, потому что проснулся Евстигней и, взглянувъ на нихъ, быстро вскочилъ:

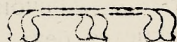
— Эхъ, чуть, было, солнышка не проспалъ!.. — весело проговорилъ онъ, почесывая въ затылкѣ. — Эй, вы, лежебоки, вставайте!..

Весь нашъ небольшой лагерь сразу зашевелился, какъ муравейникъ. Спиря долго сидѣлъ на своей зеленой перинѣ и, видимо, никакъ не могъ проснуться.

Поздней осенью я встрѣтилъ Марью на Ключевскомъ заводѣ. Она имѣла совсѣмъ здоровый видъ.

— Что, Марья, поправилась? — спросилъ я.

— А Якуня золкой вылѣчилъ. Какъ рукой все сняло, — весело отвѣтила она.

Книгоиздательство Е. Н. ТИХОМИРОВОЙ.

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

- МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ, Д. Н. Аленушкины сказки. Съ 45 рис. художниковъ Афанасьева, Андреева, Гугунавы и Литвиненко. 11 роскошное изданіе на плотной бумагѣ.
- Сказка про славнаго царя Гороха и его прекрасныхъ дочерей, царевну Кутафью и царевну Горошинку. Съ 23 оригинальными рисунками въ текстѣ худ. Н. Д. Бартрамъ. Роскошное изданіе на плотной бумагѣ.
 - Изъ далекаго прошлаго. Воспоминанія. 2-е изд.
 - Разказы и сказки. Первый томъ. Съ рис. художниковъ: Андреева, Афанасьева, Праотцева и другихъ. 10-е изданіе.
 - Разказы и сказки. Второй томъ. 4-е изданіе.
 - Анъ-Бозать. Разказъ. Съ 6-ю рисунками художника А. С. Степанова. 4-е изданіе.
 - Бѣлое золото. Повѣсть. 8-е изданіе.
 - По Уралу. Сборникъ разказовъ. 5-е изданіе. Съ рис.
 - Зарницы. Сборникъ разказовъ для старшаго возраста. Съ 10-ю рис. 7-е изданіе.
 - Черная армія. Сказка. Съ рис. О. Бондаренко. 3-е изд.
 - Хитрый нѣмецъ. Разказъ. Съ рисунками В. Андреева. 3-е изданіе.
 - Послѣдняя треба. Разказъ. Съ рис. В. Андреева и А. Кучеренко.
 - Дорогой камень. 2-е изданіе.
 - Дѣдушкино золото. Разказъ. 2-е изданіе.
 - Упрямый козелъ. Сказка. 5-е изданіе. Съ рисунками Ч. Н. Афанасьева.
 - Стрел шейна. Разказъ. Съ рис. 4-е изданіе.
 - Бѣ глуши. Разказъ. Съ рис. А. Кучеренко. 2-е изд.

МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ, Д. Н. Земля не принимает. Разсказъ

Съ рис. В. Андреева. 3-е изданіе.

— Ангелочки. Разсказъ. Съ рис. В. Андреева. 3-е изд.

— Сударь Пантелей—свѣтъ Ивановичъ. Новгородское преданіе. Съ рис. худ. Бартрамъ.

— Свѣтлячки. Сказки. Изящное изданіе на роскошной бумагѣ съ рисунками. Для маленькихъ дѣтей. Четвертое изданіе.

— Кара-Ханымъ. Разсказъ. Съ рис. 3-е изд.

— Былинки. Разсказы. для маленькихъ дѣтей. Съ рис. художниковъ В. В. Спасскаго, А. А. Кучеренко и другихъ. 3-е изданіе.

— Живая вода. Разсказы. Съ рисунками художниковъ: Воронова, Спасскаго и др. 3-е изданіе.

— Рождественскіе огни. Разсказы съ рисунками. 2 изд.

РОБИНЗОНЪ КРУЗО.

Переработано Е. Н.
ТИХОМИРОВОЙ.

== ТЕРПѢНІЕ И ТРУДЪ ВСЕ ПЕРЕТРУТЪ. ==

Первый сборникъ для вѣкъкласснаго коллективнаго чтенія. Составила
Е. Н. ТИХОМИРОВА.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1918 г.

* НА ЖУРНАЛЫ:

„ЮНАЯ РОССІЯ“.

Ежемесячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы.

— Пятидесятый годъ изданія. —

12 книжекъ научно-популярнаго журнала, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, рассказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ картинъ и портретовъ замѣчательныхъ людей; 6 книжекъ приложений.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—15 руб., на полгода—8 руб., на три мѣсяца—5 руб.; отдѣльный номеръ—1 р. 50 к. съ пересылкою.

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ“.

Журналъ для учителей и воспитателей.

— Пятидесятый годъ изданія. —

8 книжекъ въ годъ. Журналъ слѣдитъ за развитіемъ прогрессивно-педагогической мысли и рациональных методовъ преподаванія. Главное же вниманіе въ настоящее время удѣляетъ вопросамъ о созданіи новой народной школы, соответственной новому общественному строю жизни и вопросамъ объ организаціи русскаго учительства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—6 руб., на полгода—3 руб., отдѣльный номеръ—80 коп.

Редакторъ-издательница **Е. Н. Тихомирова.**

Адресъ редакціи и конторы: Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

Каталогъ книгоиздательства Е. Н. Тихомировой высылается

БЕЗПЛАТНО.

03. 2шт.

Книгоиздательство Е. Н. ТИХОМИРОВОЙ.

МОСКВА, Б. Молчановка, д. № 18.

КНИЖНЫЕ СКЛАДЫ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА:

1. Москва, Большая Молчановка, д. № 18.
2. Москва, Воздвиженка, д. № 4 (Книжный складъ
Т-ва „Кооперативное издательство“).

Представительство по продажѣ изданій Е. Н. Тихомировой
кооперативнымъ объединеніямъ всей Россіи предоставлено Т-ву
„Кооперативное издательство“ (Москва, Воздвиженка, д. № 4).

